

Вечер. Главный шатер

Когда дневные заботы остались позади, Му Цаньшан уединился в своем шатре. Он сидел потурецки перед низким столом из темного лакового дерева. Огонёк масляной лампы слабо подрагивал, освещая убранный после военного совета карту-песочницу. Из огромной, похожей на холм стопки бумаг молодой генерал выудил распечатанный конверт с сорванным сургучом.

Это послание попало к нему еще декаду назад. По иронии судьбы, на следующий день после его возвращения, едва молодой генерал пришел в себя после беспамятства, личный слуга принес ему стопку самых спешных донесений.

Письмо не имело отношения ни к военным делам, ни к императорским указам. Писал его близкий друг Му Цаньшана, принадлежавший к царствующему дому Цинси. В этих землях сыновей правителя величали наследниками титула, и лишь законный наследник престола именовался наследным принцем.

Отправителем был не кто иной, как седьмой принц — Дунмэнь Юэ.

В письме тот жаловался, что просил у Шанци руки князя Аньяна, но получил решительный отказ. Цаньшана это ничуть не удивило: мало того, что князь Аньян был мужчиной, так еще и по характеру своему явно не принадлежал к тем, кто согласен покориться чужой воле в постели.

Далее следовала пространная тирада о том, как некий безродный слуга умудрился втереться в доверие к князю Аньяну и «неподобающим для описания в письме» способом затащить высокородного господина в постель. К тому же законы Шанци позволяли мужчинам сочетаться браком, отчего Дунмэнь Юэ и воспылал надеждой заполучить в супруги самого известного средолюбца соседнего государства. В конце письма принц слезно умолял Цаньшана закрыть глаза на любые странности, что могут произойти в его лагере. Он клятвенно обещал не лишать соперника жизни, а лишь «восстановить справедливость ради любимого». Вину Мао Сяофэя он оценил в три тяжких греха: предательство чувств, легкомысленную ветреность и посягательство на то, что ему по праву не принадлежало.

Поначалу Му Цаньшан и думать забыл об этой нелепице, но стоило ему увидеть у беглого птичника тот самый деревянный жетон с гербом правящего дома Цинси, как к горлу подступила тошнота.

Но бог с ним, с жетоном. Цаньшан ума не мог приложить, как разбалованный и искушенный князь Аньян польстился на этого проходимца, да еще и позволил наставить себе рога.

Молодой генерал лишь в очередной раз сокрушенно вздохнул: «Неужели у моего спасителя нет ни капли гордости и благородства?»

«Оба ведь мужчины, но до чего же разные...»

Цаньшан, сидевший в одиночестве, то бледнел, то краснел, словно он случайно проглотил муху. Окончательно изведя себя мрачными мыслями, он решил выйти наружу — подышать свежим воздухом.

Прогуливаясь вдоль рядов палаток, он добрёл до конюшен и вдруг услышал тихое, беззаботное напевание, доносившееся из ближайшего навеса.

Генерал подошел ближе. Дверной проем наспех прикрывала криво висящая циновка. Сквозь щели виднелась покачивающаяся макушка. Огня внутри не зажигали, но отблески костров, горевших на плацу, выхватывали из полутьмы тонкие белые руки купальщика, брызгавшегося водой.

Цаньшан почувствовал, как к щекам прилила кровь, и поспешно развернулся, намереваясь уйти.

— Эй, А-Цю, положи одежду вон там, на сено. Спасибо! Как разживусь курами, первое же яйцо тебе отдам, — раздался изнутри весёлый голос.

Цаньшан замер. За долгие годы службы на границе он почти позабыл, как выглядят женщины. К тому же в последнее время его всё чаще одолевали смутные сомнения касательно собственных пристрастий. Всё началось два года назад, когда летом наступило затишье и его отозвали в столицу для отчета и отдыха. Отец тогда привел в дом робкого, слегка заикающегося юношу. Они вместе брали уроки у знаменитого живописца и часами позировали друг другу, не смея пошевелиться.

Каллиграфия и рисунки того юноши заставляли даже придворных мастеров ахать от восторга.

Но самого Цаньшана восхищало совсем иное — безупречные, словно высеченные искусным скульптором черты лица его спутника. Тот обладал редкой, чистой красотой, от одного взгляда на которую на душе становилось тепло и безмятежно, будто в погожий весенний день.

Днем они вместе выводили тушью узоры, а по ночам спали в одной комнате — пусть и на разных ложах, но даже без разделяющей их ширмы.

Однажды, вернувшись после изнурительной тренировки, Цаньшан застал Кан Цзыхуна сразу после купания. Юноша набросил на плечи лишь легкий халат, полы которого еще не успел запахнуть.

В отличие от статного генерала, Цзыхун никогда не держал в руках оружия, и фигура его была тонкой, изящной, а узкую талию, казалось, можно было обхватить одной ладонью.

Из-за слабого здоровья он редко выходил на солнце, отчего его кожа казалась неестественно белой, чистой, словно свежавыпавший снег. В сочетании с его отрешенным, возвышенным

взглядом он походил на сошедшего с небес небожителя.

Му Цаньшан почувствовал, как в носу мгновенно закололо от жара.

— Брат Му, у тебя кровь, — тихо произнес тогда Цзыхун.

Голова Цаньшана пошла кругом. Буркнув что-то невнятное, он выбежал во двор и опрокинул на себя ушат ледяной воды, чтобы смыть багряные капли и охладить бушующий в груди пожар.

Ночью у него случилось постыдное «наваждение».

На следующий день, отдавая слуге простыни для стирки, вечно суровый и невозмутимый молодой генерал впервые в жизни густо покраснел.

Последующие три месяца пролетели как один миг. Он совершил немало глупостей и едва сдерживался, чтобы не спросить прямо: «Цзыхун, а тебе нравятся мужчины?»

Разумеется, этот вопрос так и остался незадаанным — Му Цаньшан не посмел бы сделать столь безрассудный шаг. Он был единственным сыном в семье Му, на чьих плечах лежал груз ожиданий сурового отца и слез матери. Поколения честных и верных воинов, чей безупречный облик взирал на него с поминальных табличек в родовом храме, просто раздавили бы его за подобный позор.

«Но если просто попробовать тайком... не приводя в дом, никто ведь и не узнает...»

Эта мимолетная мысль заставила Цаньшана раздраженно мотнуть головой.

И вот теперь перед ним была тонкая, бледная рука Мао Сяофэя, изящный изгиб его шеи и плеч с аккуратными ямочками у ключиц.

Генерал вздрогнул. Перед глазами невольно возникла картина того дня, когда Сяофэя пороли на плацу: тонкая, гибкая талия, капли крови, медленно струищиеся по бледной коже вдоль рельефных позвонков к пояснице...

— А? Это ты? — Сяофэй, так и не дождавшись привычного робкого лепета А-Цю, обернулся.

— Просто прохожу мимо, — безучастно отозвался Цаньшан.

Сяофэй пожал плечами и потерял к нему интерес. Он попытался дотянуться рукой до лопатки, чтобы почесать саднившую кожу. Сяофэй нащупал свежую корку на затягивающейся ране; он хотел лишь слегка коснуться её, но случайно скосырнул. Тотчас выступила кровь, и Сяофэй

зашипел от боли, зажмурившись.

— Да где этого А-Цю черти носят? Ушел за одеждой и пропал!

— Кто-то сам виноват, раз забыл её взять, — холодно заметил Му Цаньшан. Вместо того чтобы уйти, он сделал шаг вперед и бесцеремонно заглянул в бочку, сверху вниз рассматривая открывшуюся картину.

— Ну да, я, — недовольно буркнул Сяофэй. Недолго думая, он протянул руку из воды и сунул генералу кусок высушенной люффы: — Раз уж тебе всё равно делать нечего, подсоби, потри спину. Если бы твои люди меня не избили, я бы и сам справился.

Му Цаньшан молча взял мочалку, но затем спросил у Сяофэя полотенце, посчитав, что жесткая люффа сорвет нежную молодую кожу.

Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь плеском воды да блаженным посапыванием Сяофэя. Уткнувшись подбородком в край бочки, парень разомлел от тепла и начал засыпать.

В полумраке навеса Сяофэй не мог разглядеть потемневшего взгляда Му Цаньшана, в котором странно мешались вожеление и холодное пренебрежение.

Когда купание подошло к концу, наконец прибежал испуганный А-Цю с вещами. Увидев у бочки генерала, он застыл как вкопанный, то пытаясь рухнуть на колени, то силясь выпрямиться. Если бы Му Цаньшан вовремя не скомандовал короткое: «Одень его», бедный парень точно бы расшиб лоб.

Под тихий шорох сухой соломы фигура генерала растаяла в ночной мгле.

Сяофэй шумно шмыгнул носом:

— Вода уже остыла! Если ты меня сейчас же не оденешь, я начихаю прямо на твою глупую голову.

А-Цю спохватился и дрожащими руками принялся натягивать на Сяофэя нижнюю рубаху и накидывать халат.

— Ш-шарший брат Сяо Фэй... Откуда здесь генерал? Он что, опять хотел наказать тебя?

Сяофэй отвесил ему легкий подзатыльник:

— Вечно ты каркаешь. У генерала и без меня забот полон рот, станет он время на меня

тратить. Молодой еще, а мыслишь как дряхлый старик.

А-Цю потер затылок и виновато улыбнулся:

— Старший брат Сяо Фэй, не сердись на мою глупость.

— То-то же. Ну так что, будешь помогать мне с птичником?

— Совсем из головы вылетело! Мой старший брат ужасно злится, что я бегаю за тобой хвостиком. Там мне больше ловить нечего, так что лучше уж я пойду к тебе кур растить. А жалование за это положено?

— Жалование — это к казначею. Но обещаю: если мне перепадет монета, мы её разделим.

А-Цю был парнем простым. Услышав такое обещание и помня, что Сяофэй умудряется пререкаться с самим генералом, он окончательно укрепился в мысли, что нашел надежного и влиятельного покровителя.

Вернувшись в казарму после трудного дня, Сяофэй вытянулся на жестких досках и вдруг нахмурился, вспомнив странную деталь.

«Постой... Когда этот Му Цаньшан тер мне спину, почему его рука то и дело скользила ниже поясницы?»

Впрочем, пожав плечами, Сяофэй решил, что генерал просто излишне дотошен во всем, за что берется. Наверное, заметил грязь и решил оттереть на совесть.

Он перевернулся на бок, но мощный храп спящего рядом А-Цю заставил его перекатиться на другую сторону. С соседней лежанки доносилось ровное, спокойное дыхание Сюй Ци, внушавшее чувство надежности. Измотанный за день Сяофэй закрыл глаза и мгновенно уснул.

Проснулся он, когда солнце уже стояло высоко в зените. Лениво потянувшись, он поплелся проведать своих подопечных.

Разукрашенный яркими лоскутами фазан, важно замерший перед Мао Сяофэем, был той самой первой птицей, которую он поймал в горах. На его сухой, обтянутой сморщенной кожей лапе, чуть выше когтей, темнело приметное чёрное пятнышко.

Сяофэй поймал её за лапу, погладил пёстрые перья и бесцеремонно забросил птицу обратно к её сородичам.

«Один, два, три, четыре, пять, шесть... двенадцать»

Все до единой на месте. Одно странно: семь птиц почему-то сжались в плотные пёстрые комочки и забились поглубже в солому.

Сяофэй опустил на корточки, разгребая пальцами сухие стебли, и озадаченно уставился на них.

— Мао Сяофэй! — окликнули его снаружи.

Оглянувшись, Сяофэй увидел новобранца с длинным копьём в руке. Буркнув что-то в ответ, он даже не подумал подняться, продолжая ковыряться в земле в поисках куриного помёта.

— Эй, выйди на минутку! — позвал паренёк.

— Сам заходи, — бросил Сяофэй, не поднимая головы.

— Да вылезай ты, дело есть. Тут тебе передали кое-что.

— Чего там? Если чепуха грошовая — отстань, видишь, делом занят!

— Золотой слиток. Достаточно ценно?

— Чего?! — Сяофэй так и подпрыгнул. Он поспешно вытер ладони о штаны.

Солдат брезгливо сморщил нос, уловив характерный запах курятника, и недовольно буркнул:

— Генерал велел передать. Награда за службу.

Увидев тяжелый золотой слиток, Сяофэй расплылся в улыбке. Он тут же попробовал металл на зуб и, удовлетворенно разглядывая крошечные вмятины, вытер слюну ладонью и спрятал сокровище за пазуху.

— Ну, спасибо, — небрежно бросил он.

— Обойдусь без твоего «спасибо».

— Тогда угощаю обедом! — Одного золотого Мао Сяофэю хватило бы на три года безбедной жизни, так что на еду ему было не жалко.

— Да где ты тут собрался обедать, в этой глуши собачьей? Языком чесать — не мешки ворочать. Кстати, как твоя спина?

Лучше бы тот не спрашивал. Сяофэй тут же почувствовал невыносимый зуд. Он принялся яростно чесаться сквозь плотную ткань одежды, но это не приносило облегчения, отчего его лицо смешно перекопилось.

— Затягивается, мясо нарастает, потому и чешется до умопомрачения. А ты парень сообразительный. Как звать-то? Может, пойдешь ко мне в помощники? Будем вместе кур разводить.

— Чжоу Цзи. Цзи — который «спасать мир».

Сяофэй окинул его взглядом. Мальчишке на вид было года четырнадцать — совсем еще зеленый юнец.

«До чего же свиреп правитель Цинси, — подумал Сяофэй. — От генералов до рядовых — сплошь безусые юнцы. Впрочем, для Шанци это только на руку. Пройдет года два, а то и три, прежде чем эти щенки станут представлять хоть какую-то угрозу»

— Откуда ты знаешь? — Чжоу Цзи тоже присел на корточки, наблюдая, как Сяофэй берет на руки одну из птиц и нежно трется подбородком о её пернатую макушку.

Горной курице такая ласка пришлась не по нраву. Она презрительно клюнула его в нос и решительно отвернулась, больше не желая смотреть на своего хозяина.

— Да так, по имени догадался. Ну так что, пойдешь в птичники? На передовую соваться не надо, сиди себе в тепле, кур корми да грядки поливай. Генерал разрешил мне взять несколько помощников.

— Ну уж нет, — без колебаний отказался Чжоу Цзи.

— Это еще почему? Такое теплое местечко упускаешь!

— Ты из Шанци, тебе не понять. Защищать государя, оберегать покой родных на границе — вот о чем мечтает любой настоящий мужчина!

Сяофэй усмехнулся:

— Красиво говоришь. Чего тогда тут расселся? Бегом на плац!

Он в шутку пихнул парня ногой. Глядя вслед убегающему Чжоу Цзи, Сяофэй закинул голову к небу. В бездонной синеве лениво плыли редкие облака. И вдруг ему, круглому сироте, не имеющему в этом мире ни одной родной души, нестерпимо захотелось домой.

Однако дойти до загона он не успел — лагерь внезапно оглушил тревожный рев рогов.

Сяофэй никогда прежде не слышал этого сигнала. Схватив за рукав одного из пробежавших мимо солдат, он крикнул:

— Что происходит? Сбор?

— Варвары! Набег дикарей! — панически выкрикнул тот, пытаясь вырваться. — Живее хватай копье, они уже близко!

Вывавшись, боец скрылся в клубах поднявшейся пыли.

Сяофэй опешил. Растерянность длилась недолго: он бросился обратно к своим баракам.

Золото, сменная одежда, соль, огниво, бечевка, складной нож... Весь его нехитрый дорожный скарб был на месте. Он торопливо рассовал вещи по карманам, но вдруг замер и принялся ощупывать одежду на груди.

«А, ладно. Тот жетон все равно чужой, в бегах от него никакой пользы»

Сяофэй решил оставить его.

Наметив лазейку между палатками, Сяофэй приготовился совершить свой второй побег. Но стоило ему приоткрыть полог, как внутрь ворвался крепкий солдат.

— Мао Сяофэй! Живо переодевайся, генерал приказал доставить тебя к нему.

Сяофэй лишился дара речи.

Возражать дюжему воину было бесполезно — тот без церемоний ухватил его за шкуру. Кое-как упросив конвоира отвернуться, Сяофэй поспешно натянул принесенные вещи. Одежда оказалась на удивление добротной: серебристый шелковый халат с узкими рукавами и искусной парчовой вышивкой, изображающей цветущие бутоны. Облачившись в такое великолепие, Сяофэй почувствовал себя крайне неловко.

— И куда мы направляемся? — робко спросил он, разглаживая дорогие складки.

— В седло, конь снаружи, — отрезал солдат.

Поймав парня за шиворот, он выволок его из палатки и буквально забросил на спину лошади. Следом за ним в седло прыгнул конвоир, и они вихрем помчались прочь из лагеря.

<http://bllate.org/book/18429/1786595>